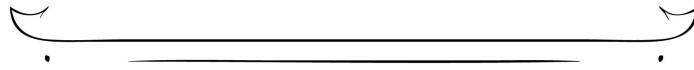

С. С. Шаулов
Башкирский государственный университет

О первом посмертном издании
трудов Р. Г. Назирова

Сборник «Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет» подписан в печать, судя по выходным данным, 11 февраля 2005 года, то есть практически ровно через год после смерти Р. Г Назирова.

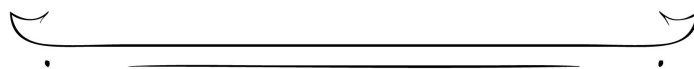
Поэтому бессмысленно критиковать это издание за то, что републикуемые в нем исследования не были заново сверены с сохранившимися в архиве Назирова рукописными и машинописными оригиналами. Во-первых, сам архив еще не был в тот момент изучен и описан хотя бы в первом приближении. Во-вторых, очевидная задача такой книги — зафиксировать наиболее значительные научные высоты, достигнутые автором, более того, показать их некоем обобщении и целостности. Иными словами, это прежде всего мемориальная задача.

Сборник, подготовленный редколлегией во главе с Р. Х. Якубовой, ее действительно решает. Семнадцать помещенных в нем статей дают достаточно полное (хотя и не исчерпывающее) представление о видимой научной жизни Ромэна Гафановича (невидимая, сохранившаяся в его архиве, на тот момент еще не была открыта). Нам кажется не лишним дать здесь перечень этих трудов и снабдить его некоторыми расширяющими историческими и биографическими сведениями, добытыми в последние годы работой в архиве ученого:

1) *Диккенс, Бодлер, Достоевский* (к истории одного литературного мотива). Именно с этой статьи, ставшей фактически первым литературоведческим выступлением Назирова в печати, начинается общение (поначалу эпистолярное, потом личное) Назирова и Г. М. Фридендера. Публикация в «Ученых записках» провинциального университета сумела привлечь внимание маститого ученого, и, видимо, до середины 1970-х их в значительной степени можно считать научными единомышленниками.

2) *Трагедийное начало в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»*. Эта статья Назирова представляет собой сокращение (не исключено, что вынужденное) и продолжение другого материала — сохранившегося в архиве в нескольких вариантах исследования «Возрождение трагедии в романе».

3) *Владимир Одоевский и Достоевский*. Благодаря содействию Г. М. Фридендера это исследование было впервые опубликовано в журнале «Русская литература». Однако, судя по сохранившейся переписке, ее первоначальный вариант был воспринят Фридендером скептически. Статья была, по всей видимости,

серьезно сокращена. Заметим также, что в архиве самого Ромэна Гафановича первоначальный вариант пока не обнаружен. Может быть, он сохранился в архиве Г. М. Фридендера.

4) *Чехов против романтической традиции (К истории одного сюжета)*. Чеховские материалы относятся к наименее изученной части назировского архива. Важно, что эта статья тематически и содержательно соотносится со спецкурсом, который Назиров читал в Башкирском университете «Поэтика прозы А. П. Чехова в ее развитии» Возможно, что в папках с пометкой «О Чехове» найдутся и иные материалы, раскрывающие назировскую интерпретацию последнего классика «золотого века» русской литературы.

5) *Петербургская легенда и литературная традиция*. Дополнения и авторские примечания к этой статье уже печатались в нашем журнале¹. Однако в архиве найдены и более обширный вариант статьи, и перечень редакционных, неавторских правок с авторскими комментариями к ним. Все это, конечно, требует публикации.

6) *Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании»*. В архиве имеются еще не разобранные материалы, посвященные композиции, этической проблематике, персонажной структуре этого романа.

7) *Петр Верховенский как эстет*. Эта широко известная статья, как мы сейчас знаем, выросла из более масштабного замысла монографии о «Бесах»². Книга не была закончена, но оставшиеся материалы достаточно полно представляют назировскую интерпретацию этого романа. Статья о Петруше Верховенском, конечно, должна восприниматься в контексте этой публикации.

8) *Достоевский и роман У. Годвина*. Предварительных и сопутствующих материалов к этой статье пока не найдено.

9) *Фабула о мудрости безумца в русской литературе*. Единственная опубликованная при жизни глава из докторской диссертации Р. Г. Назирова. Ближайшая задача, встающая в связи с этой работой, — сравнение ее текста с дошедшими до нас вариантами машинописи диссертации (их несколько).

10) *Автономия литературного героя*.

11) *Жесты милосердия в романах Достоевского*. Предварительных и сопутствующих материалов к этому исследованию пока не найдено.

12) *Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа)*. Эта статья (как и статья № 10, что справедливо отмечено в редакционном предисловии к изданию) отражает полемический интерес Назирова к наследию Бахтина. Нужно заметить, что проблема «Бахтин и Назиров» требует осмысления и комментария. Опубликованная в журнале

¹ Назиров Р. Г. Мои дополнения к петерб. легенде // Назировский архив. 2013. № 1. С. 99—104.

² Назиров Р. Г. <Материалы к монографии о романе Ф. М. Достоевского «Бесы»> // Назировский архив. 2013. № 2. С. 7—83.

⤿

«Назирровский архив» статья магистрантки филологического факультета БГПУ Ю. В. Коротковой «Теория Автора в современном литературоведении: М. М. Бахтин и Р. Г. Назиров», по сути, только ставит заявленную проблему. Кроме того, в архиве (в первую очередь, в рабочих папках к «Словарю литературоведения и смежных наук») вполне могут обнаружиться новые материалы по этой теме.

13) *Пародии Чехова и французская литература*. Здесь Назиров отчасти продолжает тематику (но не содержание) не вошедшей в рецензируемый сборник статьи «Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski)» (см. об этом труде ниже). Скорее всего, в чеховских папках архива найдутся подготовительные и сопутствующие материалы к этим исследованиям.

14) *Достоевский и Чехов: преемственность и пародия*. Статья опять же имеет прямое отношение к спецкурсу о прозе Чехова.

15) *Вражда как сотрудничество*. Прямое историко-биографическое сопоставление двух писателей (в данном случае, Достоевского и Тургенева), вообще говоря, не совсем типично для Назирова. Может быть, своеобразный социокультурный подход, который он демонстрирует в этой статье, должен быть соотнесен с логикой недавно вышедшего труда «Становление мифов и их историческая жизнь», в которой культура, политика и быт *толкуются* в едином пространстве ответственного философского восприятия. На эту мысль наводит и время публикации — 1995 год (то есть как раз в то время, когда шла работа над «Становлением мифов»).

16) *Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского. Сравнительно-исторический подход*. Единственная часть «Становления мифов», опубликованная при жизни автора в относительно полном виде. Интересно, что здесь Назиров демонстрирует принципиально иной «сравнительно-исторический подход», чем в статьях 1970 — 1980-х годов. Мысль его как бы совершает ход по спирали и на новом уровне типологическому сопоставлению подвергаются уже не тексты, а предельно обобщенные смыслы национальной культуры.

17) *Семантика движения в романах Достоевского*. Предварительных и сопутствующих материалов к этой статье пока не найдено. Вообще следует сказать, что более поздние работы имеют сравнительно бедное архивное «окружение». Может быть, это связано с тем, что в 1990-х годах Назиров уже не подвергался редакционной правке (по крайней мере, в том объеме, как в первые двадцать лет научной жизни). Соответственно, статьи публиковались в том виде, в котором выходили из под его пера, а черновики, естественным образом «уходили» из архива.

В целом, в этой подборке весьма наглядно выявилась логика развития Назирова как литературоведа. В первом приближении это — логика постепенной «универсализации» исследовательского зрения, последовательного включения в сферу внимания все более «далековатых понятий», находящих, тем не менее, свое законное,

логически определенное место в структуре мысли ученого. Повторим уже не раз высказанную нами мысль: уяснение и формализация этой логики может много дать современной гуманитарной мысли...

Впрочем, вернемся к рецензируемому изданию. Складывающееся впечатление полноты этой книги можно было бы еще усилить. В первую очередь это соображение связано с самим отбором трудов Назирова для первой посмертной републикации.

Так, непонятно, почему в состав сборника не попала статья «Герои романа «Идиот» и их прототипы»? К сравнительно-историческому подходу она имеет не меньшее отношение, чем половина (как минимум) статей в этом издании. Также не попали в «семнадцать избранных» статьи «Достоевский и романтизм», «Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski)»³, хотя они-то соответствуют заявленному в заголовке подходу *полностью*.

Можно допустить, что статья «О противоречиях Достоевского в отношении к социализму»⁴ действительно не соотносится с заявленной темой сборника. Однако почему в нем нет статьи «Об этической проблематике повести “Записки из подполья”»⁵? Это, может быть, одна из лучших и, безусловно, одна из самых известных его работ, конечно, должна была попасть в первое посмертное переиздание.

Если бы редакционный коллектив заявил о републикации малоизвестных и труднодоступных статей Назирова, такое отсутствие было бы понятно. А так остается предположить наличие концептуальной модели представления наследия Назирова, которой и руководствовались составители.

Такая модель явно чувствуется в исключении из сборника других статей, посвященных прототипам. Указанная выше статья о героях «Идиота» — только самая ранняя из них. Два аналогичных прижизненных исследования «О прототипах некоторых персонажей Достоевского», «К вопросу о прототипе Ставрогина» также не вошли в первую назировскую ретроспективу.

Действительно, они не слишком укладываются в парадигму сравнительно-исторического подхода (хотя есть и расширительные его трактовки). В них очевидны следы социологизма (не вполне, впрочем, похожего на «канонический» советский вариант метода), в них чувствуется возможность перехода к масштабным социокультурным обобщениям.

В 2005 году еще не была известна первая монография Назирова о Достоевском «К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского “Игрок”»⁶. Теперь

³ Назиров Р. Г. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Рус. литература. 1970. № 2. С. 114—121.

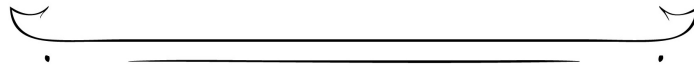
Достоевский и романтизм // Проблемы теории и истории романтизма: сборник памяти профессора А. Н. Соколова. М., 1971. С. 346—357.

Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski) // Cahier de L’Herne — Dostoïevski. Paris, 1973. P. 279—287.

⁴ Назиров Р. Г. О противоречиях в отношении Достоевского к социализму // Народ и революция в литературе и устном народном творчестве. Уфа, 1967. С. 130—149.

⁵ Назиров Р. Г. Об этической проблематике повести «Записки из подполья» // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 143—153.

⁶ Назировский архив. 2013. № 1. С. 9—93.

же очевидно, что проблема прототипов интересовала Назирова с самого начала его научного пути, и ее решение находилось в тесной связи с переосмыслением господствующего в советском литературоведении. С другой стороны, еще одна недавно опубликованная архивная находка — «Материалы к монографии о романе Ф. М. Достоевского “Бесы”» — показывает, что социокультурный контекст уже в 1970-х годах был для Назирова одним из средств достижения целостности философского обобщения. Равно то же самое можно сказать и о привлекаемых в таких работах литературных аналогиях: типологические и даже генетические связи текстов Назирову важны здесь только как средства интерпретации текста, стоящего в центре его внимания. Поэтому отсутствие статей о прототипах в этом сборнике вполне понятно.

Однако стройность этой модели разрушается тем, что в книгу вошли некоторые статьи, которые еще менее могут быть «заподозрены» в сравнительно-исторической «ориентации»: «Жесты милосердия в романах Достоевского», «Вражда как сотрудничество», «Семантика движения в романах Достоевского». Декларируемый в названии издания подход в них присутствует, но, безусловно, как дополнительный по отношению к герменевтическому *растолковыванию* текста Достоевского. Если в сборник помещены эти труды, почему в нем нет, к примеру, «Проблемы художественности Ф. М. Достоевского» или «Юмора Достоевского»? В них исторический фон и широкие типологические связи играют, в общем, схожую роль.

Подчеркнем, что все сказанное нисколько не умаляет достоинств издания, заслуженно (по причине ценности публикуемого) и закономерно (тираж 200 экземпляров) ставшего большой библиографической редкостью. Более того, мы считаем, что эта книга остро нуждается в переиздании, разумеется, в переработанном и расширенном виде, с учетом найденных в архиве рукописей, а также с необходимым историческим и биографическим комментарием.

⁷ Назиров Р. Г. Юмор Достоевского // Русская литература 1870-1890-х гг. Сб. 10. Свердловск, 1977. С. 46—55; Назиров Р. Г. Проблема художественности Ф. М. Достоевского // Творчество Достоевского: искусство синтеза / под ред. Г. К. Щенникова, Р. Г. Назирова. Екатеринбург, 1991. С. 125—156.